

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

(Обзор статей, поступивших в редакцию)

За последнее время в редакцию «Вопросов языкознания» поступило значительное количество статей, посвященных проблеме соотношения языка и мышления. Опубликовать эти статьи в полном виде редакция не имеет возможности как в связи с загруженностью портфеля редакции, так и в связи с тем, что в некоторых статьях постулируемые положения не доказываются на конкретном языковом материале. Вместе с тем, поскольку проблема соотношения языка и мышления имеет для языкознания первостепенное значение, редакция считает необходимым познакомить читателя в кратком изложении с содержанием статей на эту тему.

*

Некоторые из поступивших в редакцию статей полностью или частично посвящены самым общим вопросам соотношения мышления и языка. Это вопрос о соотношении мышления и языка как формы и содержания, вопрос о возможности мышления без языка, о значении языка жестов.

Вопросу о соотношении содержания и формы посвящена заметка В. И. Кодухова (Ленинград) «О содержании и форме в языке». Автор считает, что с точки зрения выражения той или иной мысли в языке все является формальным, все служит средством материализации конкретной мысли, которая оформляется также в логических формах мышления. Однако то, что язык выступает как средство выражения мысли, не отражая в каждом конкретном случае реальное содержание высказывания в своей структуре, не может служить доказательством, что сама языковая форма является пустой, лишенной объективного содержания.

Говоря о содержании в языке, В. И. Кодухов признает необходимым различать реальное содержание (сама конкретная мысль), логическое содержание (основные элементы, формы мышления) и языковое (или грамматическое) содержание (значение собственно языковых форм). Конкретно-реальное, понятийное (логическое) и языковое (грамматическое) содержание следует различать как в предложениях, так и в значениях слов и словосочетаний; лексическое значение слова и понятие о том, что слово называет, нельзя смешивать друг с другом и с тем значением, которое слово выражает в конкретном его употреблении.

Конкретно-реальное, логическое (понятийное) и языковое (грамматическое) содержание различно связаны с языковой формой, а сами языковые формы неоднородны по своей значимости, по своему содержанию, по выражению результатов познавательной деятельности людей и конкретной мысли. Конкретно-реальное содержание связано и с формами мышления, и с языком, а также с индивидуальным актом речи, с речевой ситуацией. Логическое содержание связано прежде всего с формами мышления, оно выражается при помощи языка и отражается в той или иной степени в самом языке. Языковое содержание выражается в самом языке. Это содержание является формальным по отношению к конкретно-реальному и логическому содержанию, но оно является смысловым по отношению к средствам его языкового выражения.

Языковые формы, являющиеся средствами выражения языкового содержания, также многофункциональны. Диалектичность соотношения содержания и формы в языке свойственна самой природе языковых фактов и объясняется тем, что язык связан с мышлением, и в нем, поскольку он представляет собой единое целое, разные его компоненты выступают то как значимые (смысловые), то как формальные по отношению друг к другу.

Изложенные положения, а также краткое рассмотрение некоторых отечественных и зарубежных работ приводят В. И. Кодухова к выводу, что противоречивость различ-

ных теорий в вопросе о содержании и форме в языке объясняется как самой природой языка, так и взглядами ученых, а также смешением психологической, логической и лингвистической точек зрения. По мнению автора, необходимо исследовать проблему во всех ее взаимосвязях и преодолеть односторонний подход. Для лингвистического изучения особое значение имеют сами языковые формы и языковое содержание, которое непосредственно отражается в структуре языка, но которое также связано с логическим и понятийным содержанием, а также с конкретной мыслью.

В статьях «О соотношении языка и речи» и «К вопросу о языке как объекте науки» П. И. Визгалов (Казань) утверждает, что лишь понимание соотношения языка и мышления как формы и содержания предупреждает отрыв языка от мышления и их отождествление. Визгалов считает язык и мышление самостоятельными явлениями, имеющими свое содержание и свою форму. Однако самостоятельны они лишь относительно, так как являющиеся сторонами единого «языкового мышления»¹.

В статье канд. филол. наук А. И. Моисеева (Ленинград) «К вопросу о связи языка и мышления» подвергается сомнению известная формула о невозможности мышления без языка. Если учесть реальный факт, что люди, не владеющие языком (глухонемые), все же мыслят, говорит А. И. Моисеев, т. е. если учесть реальный факт существования мышления без языка, то в широко распространенную категорическую формулу «мыслей, свободных от языковой материи, не существует» придется внести известные уточнения и поправки. Не может быть принята без оговорок и уточнений и другая формула, трактующая вопрос о происхождении языка и мышления: «первая мысль у исторически формировавшегося человека была связана с первым актом его речи». Задача, следовательно, состоит в том, чтобы выиснить отличия мышления с помощью языка от мышления без языка или до языка, в частности отличие мышления глухонемых от мышления людей, владеющих языком.

Независимо от А. И. Моисеева, И. И. Жильцов (Ижевск) в своей статье «К вопросу о языке и мышлении» делает аналогичные выводы. По мнению И. И. Жильцова, человеческое мышление может возникать, существовать и совершенствоваться и при полном отсутствии звукового языка. Автор считает неправомерным игнорирование языка жестов, полагая, что «современный язык общества есть единство трех его качественных форм: письменной, звуковой и кинетической (психологические и механические жесты и пр.), из коих последние и физически и исторически есть необходимое условие возникновения и бытия первых — высших форм его».

Большинство находящихся в портфеле редакции материалов, посвященных более конкретным вопросам указанной проблемы, можно разделить на две группы. Первая группа охватывает статьи, авторы которых имеют в виду соотношение языка и мысли в плане языка как продукта, результата познавательной работы, выполненной многими поколениями людей. Во вторую группу попадут работы, авторы которых принимают соотношение языка и мышления в плане речи, т. е. процесса, деятельности общающихся при помощи языка². Аспект языковой в статьях конкретизируется главным образом рассмотрением соотношения слова и понятия, понятия и значения, языковой единицы и единицы мысли и т. п. Последний из указанных аспектов находит свое выражение преимущественно в анализе соотношения предложения и суждения, строения речи и строения сложной мысли и т. п.

Разберем сначала статьи, относящиеся к первой группе. В статье «К вопросу о соотношении слова и понятия» Е. В. Гродзинский (Вильнюс) солидаризируется в основном с положением об адекватности значения слова и понятия, данным в статье Л. С. Ковтун «О значении слова» (ВЯ, 1955, № 5). Он считает, однако, необходимым развить это положение дальше и говорит: если значение слова не беднее по содержанию, чем понятие о предмете, обозначаемом в языке этим словом, то оно и не богаче его. Сам автор следующим образом суммирует содержание своей статьи: «В моей статье доказывается тезис, что значение слова в области абстрактного мышления тож-

¹ П. И. Михайлов (Батайск) в статье «О языке как философской категории» также говорит, что язык относится к мышлению, как форма к содержанию. Свой тезис автор развивает в аспекте, выходящем за рамки рассматриваемой проблемы (рассуждения ведутся в чисто философском плане, без какого бы то ни было обращения к фактам языка или данным языковедческой литературы). Основной целью его статьи является полемика с принятым в советской науке определением языка как особого рода общественного явления. Автор определяет язык как естественное, природное свойство мыслящего человека и относит его к числу категорий философского, но не исторического материализма.

² Необходимость именно такого разграничения языка и речи подчеркнута в статье проф. С. Л. Рубинштейна «Несколько замечаний к вопросу о языке, речи и мышлении» (ВЯ, 1957, № 2, стр. 43). Против этого понимания возражает П. И. Визгалов в упомянутой выше статье «О соотношении языка и речи».

дественно по своему содержанию понятию, ибо, если бы значение слова имело в этой области иное содержание, чем понятие, то оно являлось бы особой формой логического познания предмета; как мы знаем, однако, значение слова особой формой логического познания предмета, особой формой мышления не является. Тождественность значения слова и понятия я рассматриваю как тождественность по содержанию; о всеобъемлющем тождестве этих двух категорий говорить нельзя, так как значение слова и понятие — это категории двух различных научных дисциплин. Тождественность по содержанию значения слова и понятия существует, как я считаю, только в области абстрактного мышления, потому что значение слова может охватывать также психические явления, не относящиеся к абстрактному мышлению, в частности эмоции (экспрессивно-эмоциональный элемент в значении слова), в то время как понятие является исключительно формой абстрактного мышления.

Касаясь утверждения Ф. Травнича о том, что междометия (так же, как все другие слова) выражают понятия¹, автор считает, что для того чтобы решить этот вопрос, необходимо предварительно договориться, входит ли значение междометий частично в сферу мышления или относится целиком к сфере эмоциональной. В то же время автор полагает, что служебные слова (в частности, предлоги), а также местоимения выражают понятия. Е. В. Гродзинский приходит к выводу, что нет ни одного разряда или категории слов, значение которых в области абстрактного мышления не было бы адекватно понятию.

В статье «Слово, его значение, понятие и представление» канд. педагог. наук Б. В. Беляев подробно рассматривает взаимоотношения между словом, значением, понятием и представлением. Он приходит к следующим выводам:

1. Выражаемое словом понятие совпадает со значением слова, но не в смысле тождества, а в смысле соответствия. При этом общее внеконтекстное значение слова, находящегося в составе языка, соотносится с родовым понятием, а конкретные, контекстные значения слова, входящего в состав речи, соотносятся с более узкими, видовыми понятиями. Физиологической основой понятий служат комплексы временных нервных связей, относящиеся ко второй сигнальной системе и связанные межсистемными связями с аналогичными комплексами первой сигнальной системы. Последние служат физиологической основой как предметных, так и словесных восприятий и представлений. Вследствие всего этого понятия непосредственно связываются, с одной стороны, с предметными, а с другой, со словесными представлениями.

2. Слово, будучи лексической единицей языка, характеризуется наличием как смысла, так и значения. Смысловая сторона слова определяется отнесенностью его к понятию, а значение слова — отнесенностью его к обозначаемому им предмету. Поэтому слово всегда одновременно и выражает понятие (в этом заключается его смысловая сторона), и обозначает предмет мысли (в этом заключается его значение). Находясь в языке (вне контекста), слово преимущественно выражает понятие, хотя можно дополнительно указывать и все его значения, а находясь в речи (в контексте), слово преимущественно обозначает то, что является предметом мысли, хотя оно и не теряет в этом случае своей смысловой стороны. С физиологической точки зрения, слово есть внешний раздражитель, который действует прежде всего на первую сигнальную систему, где и образуются под влиянием этого воздействия такие комплексы временных нервных связей, которые служат физиологической основой словесных (зрительно-слуходвигательных) представлений или образов слов. Чтобы быть подлинным «сигналом сигналов», слово должно ассоциироваться с соответствующим понятием, в основе которого лежат комплексы второсигнальных нервных связей. Слово бывает непосредственно связано лишь с выражаемым им понятием. Что же касается предмета мысли или представления как его субъективного образа, то связь слова с ними осуществляется через понятие.

3. Значение слова всегда совпадает (в смысле соответствия, а не тождества) со смысловой его стороной и с выражаемым им понятием. Внеконтекстная полисемия слова свидетельствует о том, что оно выражает разные родовые понятия. В таком случае следует считать, что имеется не одно слово, а несколько омонимов. Контекстная же полисемия слова соответствует совокупности видовых понятий; они входят в объем общего, родового понятия, соответствуют основному, общему или центральному значению слова, благодаря которому все контекстные значения слова приобретают внутреннее семантическое единство. Контекстная полисемия слова не только не исключает, а, наоборот, предполагает внеконтекстную моносемию слова, потому что родовое понятие объединяет в себе все видовые понятия. Значение слова — категория языковедческая, поэтому значением слова ни при каких условиях нельзя считать ни понятие, ни представление, являющиеся категориями психологическими.

4. Представление — явление памяти, которое никак нельзя отождествлять ни со смысловой стороной слова или с понятием, ни со значением слова.

¹ Ф. Травничек, Некоторые замечания о значении слова и понятии, ВЯ, 1956, № 1.

Будучи отражением единичного предмета, представление в этом отношении сходно с восприятием, но оно резко отличается от понятия как категории мышления. Самое существенное отличие представления от понятия состоит в том, что представление образуется на основе восприятий, а понятие — на основе представлений, причем представление есть просто воспроизведенное по памяти восприятие, тогда как понятия образуются при условии восприятия и представления многих не только предметных, но и словесных раздражителей. Поэтому для возникновения и существования представления слово вовсе не обязательно. Представление никогда не выражается словом; оно требует лишь наглядного изображения соответствующего предмета. Представление не может быть и значением слова. Оно может быть только субъективным отражением, образом какого-либо предмета или явления действительности. По своей физиологической основе представления относятся к первой сигнальной системе. А так как вторая сигнальная система функционирует всегда на основе и во взаимодействии с первой, то и мышление наше не может быть абсолютно безобразным, вследствие чего и понятия наши всегда опираются на представления и всегда дополняются представлениями. Со словом представление связывается всегда лишь опосредствованно, т. е. через то понятие, которое выражается словом.

В своей статье «Об отношении слов к действительности и мысли в свете марксистско-ленинской философии» Д. И. Арбатский (Ижевск) пишет: вопрос о том, что обозначают знаменательные слова нашей речи, по отношению к чему осуществляется номинативная функция этих слов, неразрывно связан с основным вопросом философии. С точки зрения материализма все слова по характеру обозначаемых объектов делятся на две группы. Подавляющее большинство слов составляют наименования предметов и явлений объективного мира, их признаков, действий, например *дом, небо, движение, быстрота, белый, говорить* и т. д. Немногочисленную группу образуют имена идей, например *понятие, представление, абстракция, суждение* и др. Эти группы слов нельзя смешивать так же как и обозначаемые ими объекты.

С идеалистической точки зрения все слова, в том числе и наименования реально существующих предметов и явлений, — только знаки идей. Они обращены внутрь человека и не могут указать на что-либо, лежащее «за пределами» органов чувств. Эта теория словопотребления неизбежно вытекает из основных посылок идеализма. Она возникла еще в глубокой древности (Платон, Секст Эмпирик и др.); мы находим ее у Беркли, Локка, Юма, Гегеля и других философов-идеалистов. Особое внимание этой теории уделяет современная буржуазная философия позитивизма.

Под непосредственным влиянием идеалистической философии теория имен вещей как знаков идеальных объектов развивалась и разрабатывалась в языкознании (В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр и др.). Источники теории имен вещей как знаков идеальных объектов коренятся, очевидно, в неумении разобраться в диалектике отношений между словом, понятием и предметом, в неправильных приемах анализа, в одностороннем подходе к этому сложному вопросу. Некоторые исследователи, например, ошибочно рассматривают связь между именами вещей и понятиями, представлениями как связь между обозначающим и обозначаемым (см. Ф. де Соссюр), смешивают понятия с категорией предметов. Отголоски этой теории мы находим и в советском языкознании. Формулировки типа «слова обозначают или именуют понятия», «слова — знаки понятий» и под. можно встретить во многих исследованиях и учебных пособиях, где говорится о значении слов. При этом речь идет в таких случаях обычно о наименовании предметов, явлений и т. д.

Д. И. Арбатский полагает, что наличие в языкознании неправильных, часто идеалистических по своему существу взглядов по вопросу об отношении слов к понятиям (мысли) и предметам (действительности) свидетельствует о совершенно недостаточной разработке этих вопросов. Между тем разработка указанных вопросов на основе материалистической философии имеет первостепенное значение для языкознания.

Вопросу о соотношении слова и понятия посвящена большая часть указанной выше статьи А. И. Моисеева. Автор считает, что при решении вопроса о соотношении слова и понятия следует иметь в виду, что в речи при помощи слов выражаются не только понятия о явлениях действительности, но и отношения между явлениями, а также отношения к ним говорящего. Из бесспорного положения, что все слова имеют значения, нельзя делать вывод, что все слова выражают понятия. Строго говоря, только имена существительные, в том числе и имена собственные, являются адекватной языковой формой выражения понятий.

Распространено мнение, говорит А. И. Моисеев, что всякое словосочетание, подобно слову, имеет номинативное значение и в силу этого соотносится с понятием. Но формой выражения существующих в сознании народа понятий, наряду со словами (точнее — именами существительными), могут быть признаны только фразеологические словосочетания субстантивного характера. Свободным же словосочетаниям понятия не только не соответствуют, но и не могут соответствовать, так как понятия — нечто закрепленное в сознании народа и отдельных индивидуумов, а языковые формы выражения понятий также закреплены в языке в виде готовых к употреблению единиц (слов и фразеологизмов). Словосочетания создаются всякий раз заново для

обозначения явлений действительности в их бесконечных, часто мимолетных и преходящих изменениях (например, *слегка измятая бумага*). Таким образом, по мнению автора, проблема «словосочетание и понятие» должна быть снята как мнимая, несуществующая.

В статье канд. филол. наук А. Я. Рожанского (Москва) «Слово как средство формирования и выражения понятия» говорится о том, что единство материального (язык, слово) и идеального (мышление, понятие) заключается в сложной взаимопроизводящей связи, которая с самого начала существует в языке и мышлении, в слове и понятии. Каждое новое понятие, даже порывающее со старым, выступающее как его противоположность, не оторвано от имеющихся понятий, а в языковом отношении сформировано и выражено при помощи слов, существующих или вновь образуемых из имеющегося языкового материала.

В статье кандидатов филол. наук М. М. Галинской и Г. В. Колшанского «К вопросу о логическом содержании некоторых функций артикля в современном английском языке» делается попытка на конкретном материале проиллюстрировать взаимосвязь логики и грамматики. Анализируемый в статье вопрос является частным случаем проблемы соотношения слова и понятия.

Одной из основных функций артикля (не только в английском языке, но и в других, имеющих систему артикля) является функция указания на определенность или неопределенность существительного. Логическим же содержанием данной функции является указание на объем понятия, выраженного этим словом. Авторы подчеркивают, что под определенностью и неопределенностью существительного следует понимать определенность или неопределенность не самого слова, а того предмета, понятие о котором выражено этим словом. «Неопределенное существительное» обозначает предмет, относимый к классу предметов, но не выделенный из него; так называемое «определенное существительное» обозначает предмет, чем-то выделяющийся из класса однородных с ним предметов. В своей статье авторы стремятся показать, в какой связи функция артикля (указание на определенность или неопределенность существительного) находится с некоторыми основными положениями логики, которые касаются понятия, его содержания и объема.

Рассматривая функции артикля и сравнивая их логическое содержание, авторы делают следующие выводы: функции указания на определенность или неопределенность имеет своим логическим содержанием указание на то, равен ли объем понятия единице или превышает ее. В первом случае употребляется определенный артикль. Например, существительные, выражающие единичные понятия, всегда, если смысл контекста фразы снимает всякую иную возможность понимания полисемичного слова, стоят с определенным артиклем (*the sun, the moon* и т. д.). Во втором случае применяется артикль неопределенный. При употреблении же существительного с атрибутами необходимо сказать, что пока объем понятия больше единицы, при слове, обозначающем это понятие, стоит неопределенный или нулевой артикль, а все определения при нем (если они есть) являясь описательными независимо от того, указывают ли они на существенный или несущественный признак. Когда же объем понятия сведен к единице путем включения в содержание понятия указания на такой признак, которым в данный момент обладает лишь один предмет из всех предметов данного класса, то при слове, называющем этот предмет, стоит определенный артикль. Что касается определений в этом случае, то некоторые из них могут быть описательными, но по крайней мере одно из них должно быть ограничительным.

Анафорическая функция артикля указывает, что объем понятия равен единице окказионально, а описательная — что объем понятия постоянен, равен единице всегда; в обоих случаях артикль определенный. Близость логического содержания всех трех функций, соответствующая и близости их грамматического содержания, позволяет, по мнению авторов, считать, что анафорическая и описательная функции являются частными случаями проявления функции указания на определенность или неопределенность.

В нескольких присланных в редакцию статьях («О взаимоотношениях действительности, мышления и языка», «Значение слова», «В дебрях идеализма») В. П. Семенихин (Черкасская область) выступает против распространенной в советской лингвистике теории о том, что у каждого слова имеются две «стороны» — внешняя (материальная, звуковая) и внутренняя (идеальная, мыслительная, смысловая), что значения слов не отличаются от понятий (представлений), а эти последние «вмещаются», «заключаются» в словах языка. Полемизируя со многими авторами, в частности с А. И. Смирницким, автор утверждает, что «слово не содержит в себе ничего другого, кроме звуков (букв)..., понятия не могут быть „вмещены“ в словах (языке)».

Подобные мысли находим мы и в статье П. И. Визгалова «О разграничении языка и мышления». Автор высказывает свое несогласие с положением о том, что значение слова входит в структуру слова «в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» (А. И. Смирницкий). По мнению П. И. Визгалова, включение понятия (которым, по сути дела, оказывается значение слова), являющегося единицей мышления, в слово —

единицу языка ведет к отождествлению языка и мышления. Основной причиной этого, считает автор, является игнорирование учеными того факта, что язык и мышление представляют собой различные общественные явления, что процессы языка и мышления характеризуются разными материальными субстратами.

В статье «Заметки о терминах» Е. К. Лавров (Москва) призывает к терминологической точности (отсутствие которой, по его мнению, затрудняет прогресс гуманитарных наук). Автор анализирует распространенные значения слов *явление, развитие, существенный, закономерность, закон* (научный); сделав вывод, что эти слова ввиду употребления их в разных значениях (в одной отрасли знания) нельзя сейчас признать терминами, он для каждого из них, как термина, формулирует одно значение. Выступая за правильное словоупотребление в науке, Е. К. Лавров предлагает: а) для упорядочения терминологии — создать сборники терминов по философии, языкознанию, политэкономии; б) с целью подготовки таких сборников и привлечения внимания научной общественности к вопросам четкости языка — ввести в отраслевых научных журналах «терминологические страницы».

Из статей в т о р о й г р у п п ы заслуживает внимания статья канд. философ. наук В. А. Кирилловой (Москва) «Логическая структура односоставных предложений». Основную трудность, по мнению В. А. Кирилловой, при исследовании проблемы соотношения предложения и суждения представляют односоставные, т. е. безличные и номинативные, предложения. В логике вопрос этот решается двумя способами: 1) суждения всегда двучленны; 2) могут быть и одночленные суждения, имеющие в своем составе только логический предикат. Разные высказывания, имеющиеся по этому вопросу в языковедческой литературе, могут быть сведены к следующим трем видам: 1) в составе безличного предложения отыскиваются два члена (Буслаев, Будде, Богородицкий); 2) в составе безличного предложения усматривается один член — сказуемое (Потебня, Овсянко-Куликовский, Пешковский); 3) в составе безличного предложения отыскивается один член без попытки связать его с понятием подлежащего или сказуемого (Шахматов). В. А. Кириллова не принимает ни одной из этих точек зрения, полагая, что главный член односоставных предложений представляет собой иную синтаксическую категорию, нежели подлежащее и сказуемое. Она предлагает следующую классификацию безличных и номинативных предложений: 1 — распространенные безличные предложения, например *Все небо заволокло серыми тучами*. 2 — а) нераспространенные безличные, например *Светает, Морозно*; б) нераспространенные номинативные, например *Пожар, Утро*; в) распространенные номинативные, которые всегда совпадают со словосочетанием, например, *Поздняя осень, Жаркий июльский полдень*.

Выделенные в отдельную группу 1 распространенные безличные предложения служат такой же «языковой оболочкой» для мысли, как и личные (двучленные, двусоставные) предложения. Так, в приведенном примере: *Все небо заволокло серыми тучами* — все небо является логическим субъектом, а *заволокло серыми тучами* — логическим предикатом. Те же типы предложений, которые объединены в группе 2, — «бес-субъектные» в самом прямом и точном смысле слова. Однако это не значит, что они «беспредметны». Они не содержат в своем составе субъекта как «слова-понятия», но предмет мысли как необходимое условие всякого суждения у них, безусловно, есть. Он дан непосредственно, ясен высказывающему и воспринимающему суждение из ситуации, обстановки, не требует поэтому своего отображения в понятии субъекта и соответственного выражения в слове или группе слов.

В статье «Односоставные предложения в их отношении к суждению» канд. философ. наук М. Н. Алексеев и кандидаты филол. наук Л. С. Бархударов и Г. В. Колшанский (Москва), примыкая к точке зрения о наличии суждения и в односоставном предложении, категорически отрицают возможность существования одночленных суждений. Существование одночленных суждений не является, по их мнению, очевидностью и не поддается доказательству. Суждение по своему существу есть мысль, в которой указывается как то, о чем идет речь, так и то, что говорится о субъекте. Если в суждении нет того, что указывает на предмет (т. е. субъекта), или того, что указывает на признак предмета (т. е. предиката), то это будет не суждение, а только понятие. Слова *снег* или *бел* в отдельности никакого суждения еще не выражают. Суждение образуется, когда мы соединим вместе субъект и предикат (которые вообще только и существуют во взаимосвязи): *Снег бел*.

Теория, допускающая существование одночленных суждений, противоречит самой природе суждения, которое является формой мысли, всегда двучленной. Если мы признаем наличие одночленных суждений, свойства определенного вида предложений фактически будут перенесены на суждения. Тем самым будет смешиваться явление мышления с явлениями языка. Структура предложения не тождественна со структурой выражаемой в нем мысли, не совпадает с нею механически; если предложение грамматически одночленно, то это далеко не значит, что и выражаемое в нем суждение тоже одночленно.

То обстоятельство, что субъект и предикат не получают в односоставном предло-

жении раздельного лексического выражения, не означает, по мнению авторов, что они вообще не получают в нем языкового выражения, так как без него они не могли бы существовать. В связи с тем, что предикат в суждении сообщает новый, существенно важный признак предмета, он обязательно должен получить в предложении свое лексическое выражение — именно лексическое, потому что конкретное понятие может быть выражено только в слове или в словосочетании. В номинативных предложениях *Зима, Ночь, Раннее утро* и т. д. предикат выражен лексически.

Что же касается субъекта суждения, то, не получая для себя в односоставных предложениях лексического выражения, он находит свое воплощение, свою материальную оболочку в иных языковых средствах. Таким выражением могут служить: 1) флексия 3-го лица (в таких случаях, как *Светает* и т. п.), обозначающая абстрактное понятие, равное значению соответствующего местоимения; 2) инфинитив, как «выражение нулевого лица» (в таких случаях, как *Шутить и все шутить* и т. п.); 3) флексия 2-го лица (императив — *Садитесь, Пойте* и т. д.); 4) номинатив для именных односоставных предложений (*Зима, Пожар* и т. д.); 5) интонация законченного высказывания.

Поэтому, по мнению авторов, задача исследования односоставных предложений по отношению к суждению заключается в том, чтобы, исходя из обязательной двучленности суждений, обосновывать историей каждого конкретного языка разные способы выражения суждений в односоставных предложениях. (В данной статье анализируются факты русского, английского и немецкого языков.)

Вопрос о предложении и суждении затрагивается и в упомянутой выше статье А. И. М о с е в а. Если признать (а это по существу является общепризнанным положением), что всякое предложение выражает определенную мысль, но не всякая мысль является суждением (логики упорно утверждают, что вопрос и побуждение, например, не представляют собой суждения), то обычно выставляемую проблему «предложение и суждение» придется снять как несущественную, так как ее решение без особого труда сводится к простой констатации, что не всякое предложение, а только повествовательное выражает суждение; эту проблему следует заменить более узкой проблемой: «суждение и повествовательное предложение», в которой будет рассматриваться соотношение действительно соотносительных единиц языка и мышления.

РЕЦЕНЗИИ

G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. — Wien, 1956. 232 стр.

Сравнительно небольшая книга Г. Хютль-Ворт заслуживает серьезного внимания историков русского литературного языка. Правда, тема об обогащении словарного состава русского языка в XVIII в. не поставлена в рассматриваемом труде в полном своем объеме. Не все стороны этого сложного процесса здесь охвачены даже применительно к литературному языку XVIII в. Автор оставляет в стороне сложную и особую задачу — исследовать развитие специально-терминологической лексики, не ставит вопроса и о лексическом обогащении народно-разговорной речи в разных ее ответвлениях. В книге преимущественно рассматривается вопрос о создании новых слов из русско-славянских словообразовательных компонентов и отчасти вопрос о семантическом преобразовании слов, связанном с воздействием европейских языков (особенно латинского, французского и немецкого). Но как ни важны эти процессы для XVIII в., они, конечно, не представляют собой всех путей обогащения лексики русского литературного языка. Обогащение словарного состава в это время было в той или иной степени связано и с прямым заимствованием слов из других европейских языков, с их усвоением и преобразованием на русской почве, с возрождением и оживлением в литературной практике этого времени некоторых старых слов, особенно славянизмов, и с процессом усвоения литературной речью слов народно-разговорных и областных. Семантическое преобразование слов в свою очередь не исчерпывалось и не определялось только процессами индукции со стороны западноевропейских слов и выражений.

Первоначальный замысел автора, как сообщается во «Введении» (стр. 1), ограничивался исследованием лексических неологизмов Карамзина, поскольку именно ему приписывалась особенно выдающаяся роль в этом отношении. Но очень скоро такое ограничение темы оказалось невозможным; потребовалось привлечение материалов современников и предшественников Карамзина. Были выборочно привлечены и рассмотрены различные тексты, начиная с Петровской эпохи и до начала XIX в. Выбор источников довольно широк и разнообразен. Представлены отдельные произведения почти всех выдающихся писателей XVIII в., наиболее же полно труды Тредиаковского (в пределах трехтомного смирдинского издания; особенно — «Телемахида» и «Слово